

ПЕНА

I

Улица Нёв-Сент-Огюстен; плотное скопление экипажей не позволяло проехать фиакру, который вез Октава и три его чемодана с Лионского вокзала. Несмотря на довольно ощутимый послеполюденный холод этого ненастного ноябрьского дня, молодой человек опустил стекло дверцы экипажа. Его удивили ранние сумерки в этом квартале с тесными улочками, забитыми густой толпой. Грубая брань кучеров, которые хлестали фыркающих лошадей, нескончаемая толкучка на тротуарах, тесная череда магазинчиков, битком набитых приказчиками и покупателями, — все это привело Октава в полную растерянность: в мечтах он представлял себе Париж куда более благостным и не ожидал увидеть здесь такую грубую, настырную торговлю — казалось, город отдан на растерзание алчным завоевателям.

Кучер обернулся к седоку и спросил:

— Так вам в пассаж Шуазель?

— Да нет, на улицу Шуазель... Мне кажется, там есть новый дом...

Фиакру оставалось только свернуть, и вот наконец показался новый дом, второй от угла, — высокое пятиэтажное строение; его каменная облицовка еще сохраняла природный охристый оттенок, выделяясь на фоне блеклой штукатурки соседних старых фасадов. Октав вышел из экипажа и задержался на тротуаре, машинально оглядывая здание снизу вверх, от магазина шелков на первом этаже и в полуподвале до пятого, чьи окна отделяла от карниза узкая терраса. Балкон второго этажа с затейливыми чугунными перилами поддерживали головы кариатид. Каждое окно окаймляли вычурные наличники, грубо вырезанные по шаблону, а внизу, над парадной дверью, два амурчика держали развернутый свиток с номером дома, который по ночам освещался газовым рожком.

Грузный светловолосый господин, выходявший из этого дома, остановился как вкопанный, заметив Октава.

— Как, это вы?! — воскликнул он. — А я-то вас ожидал только завтра!

— Прошу прощения, я выехал из Плассана днем раньше... — ответил молодой человек. — А что — моя комната еще не готова?

— Да готова, конечно готова! Я ее снял две недели назад и сразу же обставил, как вы и просили. Погодите-ка, я вас сейчас же устрою.

И он вернулся в дом, не слушая возражений Октава. Кучер выгрузил из экипажа три чемодана. В швейцарской стоял осанистый человек с длинным, гладко выбритым лицом дипломата, он просматривал «Монитор». Тем не менее он соблаговолил обратить внимание на багаж, поставленный у двери, и, выйдя в вестибюль, спросил у своего жильца — «архитектора с четвертого», как он его называл:

— Господин Кампардон, это тот самый жилец?

— Именно так, Гур, это и есть Октав Муре, я снял для него комнату на пятом. Он будет там жить, а столоваться у нас... Господин Муре — друг родителей моей жены, рекомендую его вам.

Октав разглядывал вестибюль с панелями «под мрамор» и потолком, украшенным розетками. Мощеный и зацементированный дворик в глубине дышал холодной чистотой богатого частного дома; в дверях конюшни сидел кучер, начищавший замшевым лоскутом упряжь. Казалось, в этот уголок никогда не проникает солнечный свет.

Тем временем Гур бдительно осматривал чемоданы Октава. Подтолкнув их ногой, он убедился, что багаж весит изрядно, и предложил вызвать носильщика, чтобы тот занес чемоданы наверх по черной лестнице.

— Мадам Гур, я выйду ненадолго, — крикнул он, обернувшись к ложе консьержа.

Она представляла собой небольшую комнату с чисто вымытыми окнами, красным цветастым ковром на полу и палисандровой мебелью; в глубине, через полураскрытую дверь, был виден уголок спальни с кроватью под бордовым репсовым покрывалом. Госпожа Гур, тучная дама в чепце с желтыми лентами, полулежала в кресле, праздно сложив руки на животе.

— Ну что ж, пошли наверх, — сказал архитектор.

Он отворил дверь красного дерева, ведущую из вестибюля к квартирам, и, заметив, какое впечатление произвели на Октава небесно-голубые домашние туфли и черная бархатная ермолка господина Гура, добавил:

— Знаете, он был лакеем у герцога де Вожеллада.

— Вот как! — отозвался Октав.

— Да-да, и вдобавок женат на вдове какого-то мелкого чиновника из Мор-ля-Виль. У них там даже свой домик имеется. Но они решили сперва накопить достаточную сумму, чтобы иметь три ты-

сячи франков годового дохода, и тогда уж обустроиться там. А пока... это вполне приличные консьержи!

Вестибюль и лестница отличались крикливой роскошью. Внизу стояла женская фигура в наряде неаполитанки, сплошь позолоченная, с амфорой на голове, откуда торчали три газовых рожка с матовыми абажурами. Стены были облицованы панелями из искусственного мрамора, белыми с розовой окантовкой; эта отделка повторялась на всем протяжении круглой лестничной клетки с перилами красного дерева и литыми стойками «под старинное серебро», украшенными позолоченными листьями. Красная ковровая дорожка, прижатая к ступеням медными прутьями, стелилась по всей лестнице, снизу доверху. Но больше всего Октава удивила поистине оранжерейная жара: едва он вошел сюда, как в лицо ему повеяло теплым воздухом из калорифера.

— Ну надо же! — воскликнул он. — Неужто здесь отапливают даже лестничную клетку?

— Разумеется, — ответил Кампардон. — Нынче все уважающие себя домовладельцы идут на такой расход... Этот дом превосходен, поистине превосходен...

И он вертел головой, пристально оглядывая стены со знанием дела, как опытный архитектор, и приговаривая:

— Вам будет здесь хорошо, дорогой мой, этот дом поистине великолепен... А главное, люди здесь вполне благопристойные!

И он начал перечислять жильцов, грузно поднимаясь по ступеням. На каждом этаже было две квартиры, одна окнами на улицу, другая — во двор; их двери из полированного красного дерева располагались справа и слева на лестничной площадке. Первым Кампардон назвал Огюста Вабра, старшего сына домовладельца. Этой весной тот открыл на первом этаже магазин шелковых тканей, заняв также и полуподвальное помещение.

Далее, на втором этаже, в квартире окнами во двор, проживал второй сын хозяина Теофиль Вабр с супругой, а в квартире окнами на улицу — сам домовладелец, бывший нотариус из Версаля, который, впрочем, расположился у своего зятя Дюверье, советника судебной палаты.

— А ведь этому молодцу всего лишь сорок пять лет! — воскликнул, остановившись, Кампардон. — Ну-с, как вам нравится?! Прекрасно, не правда ли?

Он поднялся еще на две ступеньки и, неожиданно обернувшись, объявил:

— Вода и газ во всех квартирах!

На лестничных площадках высокие окна в рамках с греческим орнаментом пропускали внутрь дневной свет; на каждой стояла узкая скамья с бархатной обивкой. Архитектор не замедлил разъяснить, что это сделано для пожилых людей, — таким образом, они могут передохнуть. Как ни странно, на площадке третьего этажа он прошел мимо дверей молча, не назвав жильцов.

— А здесь кто живет? — спросил Октав, указав на эти двери, ведущие в большую квартиру, занимавшую весь этаж.

— О, тут живут люди, которых никто не видел и не знает... Наш дом прекрасно обошелся бы без таких. Но что делать: даже на солнце есть пятна! — И Кампардон презрительно хмыкнул. — Кажется, этот господин пишет книги.

Однако на четвертом этаже к нему вернулось прежнее благодушие. Квартира окнами во двор была разделена на две половины; в одной жила мадам Жюзер («молодая женщина, очень несчастная»), в другой — некий весьма изысканный господин; он снимал комнату, куда приходил раз в неделю, для каких-то таинственных занятий. Продолжая свои объяснения, Кампардон отпер дверь квартиры напротив.

— Ну-с, а вот и моя обитель! — объявил он. — Пойдите-ка минутку, я зайду за вашим ключом... Мы сперва поднимемся в вашу комнату, а потом я познакомлю вас с супругой.

На несколько минут Октав, уже замороженный торжественным безмолвием лестницы, остался один. Он прислонился к перилам и почувствовал, как его окутывает теплый воздух, поднимавшийся снизу, из вестибюля; подняв голову, он пытался уловить хоть какие-нибудь звуки, однако наверху царила тишина — строгая тишина надежно изолированного салона, куда не проникал никакой шум извне. Казалось, за красивыми полированными дверями красного дерева таятся бездны благопристойности.

— У вас будут прекрасные соседи! — объявил Кампардон, появившийся с ключом в руке. — Во-первых, семейство Жоссеран: отец — кассир на фабрике хрустальных изделий Сен-Жозеф, у него две дочери на выданье; во-вторых, супруги Пишон, рядом с вами; глава семейства — мелкий служащий; это люди скромного достатка, но прекрасно воспитанные... Что поделаешь: приходится сдавать все до последней каморки, даже в таком доме, как этот.

После четвертого этажа красный ковер исчез, его сменила серая полотняная дорожка, и Октав почувствовал легкий укол самолю-

бия. До этого вид роскошной лестницы внушал ему гордость: он был глубоко польщен возможностью жить в таком благоустроенном — по выражению архитектора — доме. Проходя за ним по коридору, ведущему к его комнате, Октав заглянул в приоткрытую дверь и увидел молодую женщину, стоявшую у колыбели. Услышав шаги, она встрепенулась. Это была блондинка со светлыми, пустыми глазами; он успел отметить только ее пристальный взгляд, так как женщина, внезапно покраснев, захлопнула дверь с видом человека, застигнутого врасплох.

Кампардон обернулся и повторил:

— Вода и газ на всех этажах!

Вслед за чем указал на дверь, расположенную рядом с черной лестницей, ведущей наверх, в комнатки прислуги. Остановившись перед этой последней дверью, он объявил:

— Ну вот и добрались!

Комната — квадратная, довольно просторная, с серыми в голубой цветочек обоями — была обставлена очень просто. Рядом с альковым выгородили уголок с раковиной, где можно было только помыть руки. Октав сразу направился к окну, откуда в комнату проникал зеленоватый свет. Внизу он увидел дворик — унылый, но чистенький, замощенный ровной плиткой, с водоразборной колонкой, чей медный кран ярко блестел на солнце. Но и там не было ни души, не раздавалось ни звука: одни только окна, одинаковые как на подбор, без птичьих клеток, без цветочных горшков, все укрытые за белыми занавесками. Чтобы хоть как-то украсить высокую глухую стену соседнего здания, замыкавшую двор слева, на ней намалевали фальшивые окна с опущенными жалюзи — чудилось, что за ними протекает та же потаенная жизнь, что и в квартирах этого дома.

— О, я прекрасно здесь заживу! — воскликнул очарованный Октав.

— Не правда ли? — подхватил Кампардон. — Клянусь Богом, я тут все устроил как для самого себя, в точности следуя инструкциям, которые вы мне давали в письмах... Стало быть, обстановка вам нравится? Тут есть все нужное поначалу для молодого человека. А дальше уж сами решите.

И поскольку Октав горячо благодарил Кампардона, пожимая ему руку и извиняясь за причиненные хлопоты, тот заговорил, уже чуть строже:

— Только учтите, мой милый, никакого шума, а главное, никаких женщин!.. Уж поверьте мне, если вы приведете сюда женщину, это будет настоящий скандал!

— О, будьте спокойны! — прошептал молодой человек, слегка смутившись.

— Нет, позвольте, я хочу вам объяснить: этим вы в первую очередь скомпрометируете меня... Вы видели дом — здесь живут солидные, приличные люди; между нами говоря, даже иногда чересчур щепетильные. Ни одного лишнего слова, никакого шума — ничего такого... А иначе Гур пожалуется господину Вабру — хороши же тогда будем мы оба! Итак, дорогой мой, настоятельно прошу вас, ради моего спокойствия, уважать обычаи этого дома.

Октав, проникшийся почтением к такому благонравию, горячо обещал подчиняться этим требованиям. А Кампардон, опасливо оглядевшись и понизив голос, словно его кто-то мог подслушать, добавил с хитрым огоньком в глазах:

— Вне дома — все, что угодно, там это никого не касается! Поняли? Париж достаточно велик, в нем всему есть место... Я-то сам в глубине души художник и плевать хотел на условности!

Тем временем на лестнице показался носильщик, тащивший чемоданы. Когда их водворили в комнату, архитектор с отеческой заботой подождал, пока Октав сполоснет лицо и руки, а затем, встав, объявил:

— Ну-с, теперь давайте спустимся, я вас представлю моей жене.

На четвертом этаже горничная, худенькая, чернявая кокетливая девица, объявила, что хозяйка занята. Кампардон, желавший, чтобы его молодой друг поскорее освоился здесь, и вдобавок воодушевленный собственными объяснениями, заставил Октава осмотреть всю квартиру: во-первых, просторную бело-золотистую гостиную с обилием лепных украшений, а затем маленький салон с зелеными стенами, который служил ему рабочим кабинетом; в спальню их не допустили, но хозяин описал ее как узкую комнату с лиловыми обоями. Затем он провел гостя в столовую, отделанную панелями под дуб с чрезмерным обилием резьбы и кессонным потолком. Восхищенный Октав вскричал:

— Боже, какая роскошь!

Правда, через кессоны на потолке проходили две широкие трещины, а в углу облупилась краска, обнажив гипсовую основу.

— Выглядит эффектно, вы правы! — медленно сказал архитектор, подняв глаза к потолку. — Понимаете ли, этот дом с тем и стро-

ился, чтобы производить впечатление... Вот только не стоит слишком внимательно приглядываться к стенам: со дня постройки не прошло и двенадцати лет, а все уже осыпается... Зато фасад облицован благородным камнем и украшен скульптурами, лестничные перила покрыты тройным слоем лака, лепнина в квартирах раскрашена и позолочена, и все это льстит жильцам, внушает им почтение. О, этот дом простоит долго, он еще и нас переживет!

И он снова провел гостя через переднюю, куда свет проникал сквозь матовые стекла. Слева находилась вторая спальня, окнами во двор, отведенная его дочери Анжель; от белой комнатки в этот ноябрьский полдень веяло какой-то кладбищенской печалью. Дальше, в конце коридора, находилась кухня, которую хозяин также непременно желал показать гостю, объявив, что тот должен все здесь увидеть.

— Входите, входите же! — твердил он, отворяя дверь в кухню.

Но едва они вошли, как на них обрушился адский шум. Окно, несмотря на холод, было распахнуто. Чернявая горничная и кухарка — грузная старуха, — облокотившись на подоконник, смотрели вниз, в узкий внутренний дворик, куда выходили кухонные окна всех квартир. Они перекрикивали друг дружку, а снизу, со двора, им отвечали грубые голоса, перемежавшие слова наглым хохотом и бранью. Казалось, все сточные канавы города извергли сюда скопившуюся грязь; прислуга, выглянувшая из всех квартир, тешилась этой сварой. Октаву вспомнилось величавое спокойствие парадной лестницы.

Но тут обе служанки инстинктивно обернулись и в изумлении застыли при виде хозяина и незнакомого господина. Раздался легкий свист, окна мгновенно захлопнулись, и воцарилась мертвая тишина.

— Что тут случилось, Лиза? — спросил Кампардон.

— Опять эта неряха Адель... — ответила горничная, еще не остывшая от перебранки. — Она вывалила во двор кроличью требуху прямо из окна... Вы бы пожаловались господину Жоссерану.

Но Кампардон нахмурился и промолчал: ему не хотелось плутоваться в эти дразги. И он снова повел Октава в свой кабинет, говоря по пути:

— Ну вот, теперь вы все увидали. Планировка квартир на каждом этаже одинакова. Я плачу за свою две тысячи пятисот франков в год, хотя она на четвертом этаже! Квартирная плата растет

как на дрожжах... Господин Вабр ежегодно выручает со своего дома примерно двадцать две тысячи франков. И это еще не предел — сейчас собираются проложить широкую улицу от Биржевой площади до Новой Оперы... А ведь участок под этот дом он приобрел за сущие гроши двенадцать лет назад, после большого пожара — он случился по вине служанки аптекаря!

Они вошли в кабинет, и Октаву тотчас бросился в глаза образ Девы Марии в роскошной раме, висевший над рабочим столом и озаренный ярким светом, лившимся из окна; в ее разверстой груди пылало огромное сердце. Он не смог сдержать удивления и оглянулся на Кампардона, которого знали в Плассане как насмешника и вольнодумца.

— О, я забыл вам сообщить, — сказал тот, слегка покраснев. — Меня ведь назначили епархиальным архитектором в Эврё. Жалованье, конечно, мизерное — каких-нибудь две тысячи франков годовых. Но и делать там особенно нечего, разве что изредка наведываться, а в остальное время за порядком присматривает мой инспектор. Главное, эта должность считается почетной — как-никак, «архитектор на государственной службе»; такое звание на визитных карточках производит впечатление. Вы даже не представляете, сколько заказов в высшем обществе мне приносит эта должность.

Говоря это, архитектор не сводил глаз с изображения Девы Марии и ее пылающего сердца.

— Честно говоря, — сознался он в приступе откровенности, — мне плевать на все эти сказки.

Октав рассмеялся, что встревожило Кампардона: с какой стати он откровенничает с этим юнцом? Покосившись на него, он состроил пристыженную мину и начал неуклюже оправдываться:

— Ну да, мне на все это плевать... хотя, с другой стороны... Ладно, признаюсь как на духу: я готов пойти на это! Да вы и сами скоро убедитесь, мой друг, — вот поживете здесь немного и заговорите точно так же.

И он заговорил о том, что ему уже сорок два, о пустом, бессмысленном существовании, изобразил меланхолию, так явно противоречившую его внушительной комплекции. Образ свободного художника с разметающейся шевелюрой и бородкой а-ля Генрих IV, который он стремился создать, никак не сочетался с низким лбом и квадратной челюстью ограниченного буржуа с его неутолимы-

ми плотскими желаниями. В молодые годы он отличался несокрушимым жизнелюбием.

Взгляд Октава упал на номер «Газетт де Франс», валявшийся среди чертежей. И тут сконфуженный Кампардон позвонил горничной, чтобы узнать, освободилась ли наконец его супруга.

— Да, доктор уже уходит, мадам сейчас выйдет, — ответила та.

— А что, разве госпожа Кампардон хворает? — спросил молодой человек.

— Да нет же, все как обычно, — досадливо ответил архитектор.

— Но... тогда что же с ней?

Смущенный супруг уклончиво ответил:

— О, вы же знаете женщин, у них вечно что-нибудь да не ладится... У нее это тянется уже тринадцать лет, с самых родов... Но в остальном здоровье у нее крепкое. Вы даже сочтете, что она расплнела.

Октав не стал выяснять подробности. В этот момент горничная вернулась в комнату и вручила хозяину чью-то визитную карточку; архитектор извинился и торопливо ушел в кабинет, попросив молодого человека побеседовать пока с его супругой, чтобы не скучать. Гость успел заметить в открытой и проворно захлопнутой двери, в центре бело-золотой гостиной черное пятно — сутану.

Но в этот момент к нему через переднюю вышла госпожа Кампардон. Октав с трудом узнал ее. Некогда, еще ребенком, он познакомился с ней в Плассане, в доме ее отца, господина Домерга, смотрителя дорог и мостов; в те времена это была тщедушная, невзрачная девица, в свои двадцать лет похожая скорее на незрелого подростка, со всеми приметамы этого неблагоприятного возраста; сейчас перед ним стояла пухлая, волоокая особа со светлым, невозмутимым лицом монашки и ямочками на щеках, всем своим видом напоминавшая сытую кошечку. Ее, конечно, нельзя было назвать красавицей, однако она совершенно расцвела к тридцати годам и теперь источала сладкий аромат и свежесть сочного осеннего фрукта. Он отметил только, что она ходит с трудом, переваливаясь с ноги на ногу; на ней был длинный шелковый пеньюар цвета резеды, придававший ее облику еще большую томность.

— Да вы превратились в настоящего мужчину! — весело воскликнула она, протянув к нему руки. — Как же вы возмужали с тех пор, как мы в последний раз виделись в Плассане!

Она с удовольствием разглядывала рослого, красивого шатена с холеными усами и бородкой. Когда он назвал свой возраст — двадцать два года, — она снова воскликнула, что ему можно дать все двадцать пять!

А сам Октав, которого присутствие любой женщины, вплоть до последней служанки, приводило в восхищение, смеялся переливчатым смехом, лаская ее глазами цвета старого золота, мягкими, как бархат.

— Ну да, — томно отвечал он, — я вырос, я и впрямь вырос... А помните, как ваша кузина Гаспарина покупала мне шарики?

Затем он сообщил ей новости о ее родителях. Господин и госпожа Домерг счастливо живут в домике, где поселились на старости лет; единственное, что их печалит — это одиночество; они никак не могут простить Кампардону, что он, приехав в Плассан для каких-то работ, похитил их любимую Розу. Но молодой человек постарался перевести разговор на ее кузину Гаспарину; его по-прежнему снедало жгучее любопытство преждевременно созревшего подростка, вызванное историей, которую в те давние времена никто ему не разъяснил: внезапная страсть архитектора к Гаспарине — стройной красавице (увы, бедной), и неожиданный брак с худышкой Розой, за которой давали тридцать тысяч франков приданого; а дальше — бурная сцена со слезами, разрыв с семьей и бегство покинутой девушки в Париж, к тетке-портнихе. Однако госпожа Кампардон, чье безмятежное лицо сохранило свой бледный румянец, сделала вид, будто не понимает его. Октав так и не добился от нее никаких разъяснений.

— Ну а что ваши родители? — спросила она в свою очередь. — Как они поживают?

— Благодарю вас, прекрасно, — ответил он. — Матушка посвящает все свое время саду. Если бы вы увидели дом на улице Банн, то нашли бы его точно таким, каким он был при вас.

Госпожа Кампардон, которой, вероятно, трудно было долго стоять, присела на высокий чертежный стул, вытянув ноги под длинным пеньюаром; Муре придвинул поближе к ней низкое сиденье и теперь разговаривал, глядя на нее снизу вверх, с привычным для него видом почтительного восхищения. Этот молодой широкоплечий человек был наделен женской душой: он прекрасно понимал женщин и этим тотчас завоевывал их сердца. Не прошло и десяти минут, как они уже болтали, точно старые друзья.

— И вот теперь, как видите, я ваш пансионер, — говорил он, поглаживая бородку красивой рукой с тщательно отполированными ногтями. — Мы вполне уживемся, уверяю вас... Вы были так любезны, что вспомнили о мальчишке из Плассана и по первой просьбе занялись моим устройством!

На что она возразила:

— О нет, не благодарите меня. Я слишком ленива, почти не двигаюсь. Это все устроил Ашиль... Впрочем, как только моя мать сообщила нам, что вы хотели бы столоваться в семейной обстановке, мы сразу же решили открыть вам двери нашего дома. Таким образом, вам не придется иметь дело с чужими людьми, а нам будет приятно ваше общество.

И тут Октав рассказал ей о своих делах. Получив диплом бакалавра — лишь ради того, чтобы утешить родителей, — он провел три года в Марселе, в большой фирме, занимавшейся торговлей набивным ситцем, который производила фабрика, расположенная в окрестностях Плассана. Торговля стала его страстью — причем именно торговля предметами роскоши для женщин, основанная на соблазне, на постепенном завоевании женских сердец с помощью медовых речей и томных взглядов. И он рассказал, сопровождая свои слова победным смехом, как ухитрился, с чисто иудейской осторожностью, скрытой под внешним любезным простодушием, заработать пять тысяч франков, без которых ему никогда не пришло бы в голову рискнуть и приехать в Париж.

— Вы только представьте себе, у них был ситец с рисунком в стиле помпадур, настоящее чудо!.. Но никто и смотреть на него не хотел, так он и лежал там в подвале целых два года... А я в ту пору занимался продажами в департаментах Вар и Нижние Альпы и подумал: а не закупить ли его по дешевке, чтобы сбыть как свой собственный товар. Так вот, представьте себе, это был успех, сумасшедший успех! Женщины буквально рвали его из рук целыми рулонами; сейчас, я думаю, там нет ни одной, которая не носила бы платья из этого ситца... Должен признаться, я тогда здорово нажился на этих дамах! Все они принадлежали мне, я мог делать с ними что угодно.

И он смеялся от души, а госпожа Кампардон, уже покоренная, уже взволнованная мыслью об этом ситце «помпадур», жадно его расспрашивала. Что это за рисунок — маленькие цветочные буке-

тики на кремовом фоне, не правда ли? А ведь она именно такую и разыскивает повсюду для летнего пеньюара!

— И вот так я разъезжал по стране целых два года, — продолжал Октав. — А теперь решил покорить Париж... И незамедлительно начну искать что-нибудь подходящее.

— Как, разве Ашиль вам еще не сказал? — ахнула мадам Кампардон. — Но он уже нашел вам место, в двух шагах от дома!

Октав пылко благодарил ее, дивясь своему везению и шуточно вопрошая, не найдет ли он у себя в комнате уже к вечеру жену и сто тысяч франков ренты. Но тут дверь отворилась, и в гостиную вошла девочка лет четырнадцати, долговязая и неказистая, с тусклыми светлыми волосами; увидев гостя, она испуганно вскрикнула.

— Входи, не бойся, — сказала госпожа Кампардон. — Это господин Октав Муре, ты ведь слышала, как мы с папой говорили о нем. — И, обернувшись к гостю, добавила: — Познакомьтесь, это моя дочь Анжель... Мы не брали ее с собой в нашу последнюю поездку — у нее такое хрупкое здоровье! Но вот теперь она понемногу выправляется.

Анжель с мрачной миной, свойственной подросткам в неблагоприятном возрасте, уселась позади матери, украдкой поглядывая отсюда на улыбчивого молодого человека. Вскоре вернулся и Кампардон, весьма оживленный, и, не удержавшись, коротко поведал жене о своей удаче: аббат Модюи, vicarier церкви Святого Роха, предложил ему работу — на первый взгляд простой ремонт, но который может вылиться и в нечто большее. Впрочем, он тут же зашнулся, вспомнив, что говорит в присутствии Октава, хлопнул в ладоши и объявил:

— Итак, чем мы займемся?

— Вы ведь, кажется, собирались уходить, — заметил Октав, — я не хотел бы вам мешать.

— Ашиль, — шепнула госпожа Кампардон, — что с этим местом у Эдуэнов?

— Ну конечно же! — вскричал архитектор. — Дорогой мой, это место старшего приказчика в магазине модных товаров. Я там знаю одного человека, и он замолвил за вас словечко... Так что вас там ждут. Сейчас еще нет и четырех часов — хотите, я вас тотчас представлю?

Октав колебался: его беспокоило, прилично ли он одет, правильно ли завязан галстук. Но госпожа Кампардон заверила его,

что все в порядке, и он решил. А она томно подняла голову, подставив лоб мужу, который с наигранной нежностью поцеловал ее со словами:

— Прощай, кошечка моя... до свиданья, милочка...

— Не забудьте: мы ужинаем в семь, — сказала она, пока мужчины искали шляпы в передней.

Анжель неохотно вышла проводить их. Однако ее ждал учитель музыки, и через минуту они услышали, как она забарабанила худыми пальцами по клавишам, заглушая голос Октава, который задержался на минуту, рассыпаясь в благодарностях перед хозяйкой. Пока он спускался по лестнице, звуки пианино словно преследовали его в этом теплом безмолвии; им вторили, на всех этажах, другие фортепианные мелодии, приглушенные и благообразные, доносившиеся из-за массивных дверей квартир госпожи Жюзер, Вабров, Дюверье.

Выйдя из дому, Кампардон повернул на улицу Нёв-Сент-Огюстен. Он шел молча, с задумчивым видом человека, подыскивающего предлог для новой темы разговора.

— Вы помните мадемуазель Гаспарину? — спросил он наконец. — Нынче она заведует отделом в магазине Эдуэнов... Сейчас вы ее увидите.

Октав ухватился за этот вопрос, чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Ах вот как! — воскликнул он. — Уж не живет ли и она в вашем доме?

— Нет-нет, как можно! — воскликнул архитектор, явно шокированный этим вопросом. Однако, увидев, что резкий отпор удивил молодого человека, он смущенно добавил чуть мягче: — Видите ли, они с моей женой больше не встречаются... Такое часто бывает в семьях... Я-то с ней виделся и решил, что нужно ее поддержать, тем более что бедняжка отнюдь не богата. В общем, теперь они узнают друг о дружке лишь через меня... Эти старые семейные распри... видите ли, требуется время, чтобы затянулись раны.

Октав решил было порасспросить архитектора о его женитбье, но тот перебил его на полуслове, объявив:

— Ну вот мы и пришли!

Магазин модных товаров располагался на углу улиц Нёв-Сент-Огюстен и Мишодьер; двери его выходили на узкую треугольную площадь Гайон. Большие золотые буквы на вывеске, скрывавшей